

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

LOGICS, MDOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-215-220

ОБОСНОВАНИЕ ИДЕИ УНИВЕРСИТЕТА В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. ЧАСТЬ 2.

FOUNDATIONS OF THE IDEA OF UNIVERSITY IN GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY. PART 2.

Н.П. Рагозин
N.P. Ragozin

Донецкий национальный технический университет,
ДНР, г. Донецк, ул. Артема, 58

Donetsk National Technical University,
58 Artem St, Donetsk, Donetsk People's Republic

E-mail: nragozin@inbox.ru

Аннотация

На материале работ И. Канта осуществляется реконструкция философской модели университета нового типа, анализируются его структура, функции и основное назначение. Концепция университета Канта рассматривается не только как попытка реализовать стремления эпохи Просвещения, но и как отражение эпохи революционного подъема, создавшей условия для образования свободной и ответственной личности и преобразовавшей все общественные отношения на основе их подчинения нормам морали и права.

Abstract

The paper gives reconstruction of philosophical model of university of new type, analyses its structure, functions and main purpose basing on the works of I. Kant. Kant's concept of university is being analyzed as not only an attempt to realize aspirations of the Renaissance age but as a reflection of the age of revolutionary rise, which created conditions for appearance of free and responsible personality and which reformatted all social relations on the basis of their subordination to norms of morality and law. According to Kant's concept, the University is not only an institution of scientific education, but also a school of political freedom of society, a body of non-violent spiritual revolution. Therefore, today we should preserve its purpose-to be a platform for public use of reason, an equal partner of the state in determining the ways and means to achieve the public.

Ключевые слова: классический университет, просвещение, прогресс, идеи Разума, реформа образования, просвещённое общество, научное образование.

Key words: classical university, Renaissance, enlightenment, progress, ideas of Mind, education reform, educated society, scientific education.

Как было показано в первой части нашей статьи, в противовес *революционному сценарию* развития просвещения Кант выдвигает путь его *реформирования*. По Канту, для просвещения, как мы помним, «требуется только свобода». Однако *неограниченная свобода* сплошь и рядом неотличима от *неограниченного произвола*, что рождает проблему

границы свободы, в связи с которой встаёт и проблема соотношения свободы теоретического (публичного) разума с реальной практической жизнью людей в обществе. Таким образом, определение *пути Просвещения* оборачивается для Канта *проблемой связи теории и практики*. Эту проблему он в разных аспектах обсуждает в известной статье 1793 г. «О поговорке “может быть, это верно в теории, но не годится для практики”», где проблема *границы свободы* рассматривается в контексте идеи *гражданского общества*.

Кант исходит из того, что в обществе границей свободы является *право*, которое «есть ограничение свободы каждого условием согласия её со свободой всех других...» [1, с. 78]. Поскольку право есть ограничение свободы *каждого*, но не такое, в результате которого её нет у *всех*, постольку *право* следует понимать не как *противоположность свободы*, но как меру (баланс) индивидуальной и общественной свободы, установленной законом, которую не так-то просто найти.

Правомерный публичный закон, с одной стороны, имеет право принуждать, а с другой – запрещает противиться действием воле законодателя. Правопорядок несовместим с признанием допустимости сопротивления власти, т. к. это «разрушит всякое гражданское устройство и уничтожит то состояние, единственно в котором люди и могут вообще обладать правами» [1, с. 89]. Вместе с тем ценность закона состоит в том, что он принуждает не только подданных: воля законодателя тоже не произвольна, а «представляет общую волю народа» [9, с. 96] и потому должна знать, чего желает воля народа. А значит, «гражданин государства, и притом с позволения самого государя, должен иметь право открыто высказывать своё мнение о том, какие из распоряжений государства кажутся ему несправедливыми по отношению к обществу» [1, с. 95].

Это значит, что положительное право законодателя устанавливать законы и требовать их исполнения должно быть ограничено *негативными правами народа*, т. е. правом судить о том, *что* именно в высшем законодательстве не согласуется с его доброй волей. Эти негативные права народа Кант фиксирует в следующей формуле: «*чего народ не может решить относительно самого себя, того и законодатель не может решить относительно народа*» [1, с. 96]. Иными словами, прежде чем законодатель будет что-то решать относительно народа, следует дать народу возможность свободно определиться с содержанием своей воли. А для этого требуется *наличие высшего публичного пространства самоопределения воли*, стоящего над *пространством власти законодателя*. И это пространство – *свобода печатного слова*, которая есть «единственный палладиум прав народа» [1, с. 95].

Немецкий мыслитель ищет средний путь между насильственным, кровавым бунтом и неограниченным деспотизмом. Он трезво оценивает свою эпоху: «Если задать вопрос, живём ли мы теперь в *просвещённый* век, то ответ будет: нет, но мы живём в век просвещения» [2, с. 33]. Поэтому в споре между народом и властью последнее слово должно принадлежать *Разуму, Просвещению*. Кант не разделяет точку зрения скептиков, полагающих, что верное в теории не годится для практики. Напротив, он убеждён: «... То, что по соображениям разума имеет значение в теории, имеет значение также и на практике» [1, с. 106]. Но не следует форсировать естественный процесс развития просвещения, игнорируя «условия времени», нельзя субъективную свободу с её противоречивыми и постоянно меняющимися представлениями людей о счастье превращать в мерило общественного законодательства. Следует создавать и расширять *пространство публичного применения разума* – вот путь развития Просвещения.

Университет как школа публичного применения разума. Вопрос о назначении университета Кант рассматривает как проблему политической философии, как проблему института, являющегося связующим звеном между государством и обществом¹. На

¹ Примечательно, что тема университета возникает у Канта в связи с необходимостью защиты им свободы публичного выражения своих мыслей. Фабула событий такова. В 1791-1792 гг. Кантом была задумана и написана для журнальной публикации серия из 4 статей, обсуждающих вопрос о соотношении

первый взгляд кажется, что Кант не предлагает никаких реформ университета в том смысле, какой обычно связывают с этим понятием. Он не предлагает изменений сложившейся структуры университета, порядка управления и финансирования, организации учебного процесса и т. п. Почему же тогда «Спор факультетов», работа, которую сам Кант был склонен рассматривать как «сугубо публицистическую», инспирировала *общегерманскую дискуссию об университете*, ставшую пусковым механизмом к его реформам? Нам представляется, что будоражащее воздействие «Спора факультетов» связано с тем, что в этой работе Кант на весьма показательном примере развил свою мысль о *публичном применении разума* и его роли в духовном и политическом освобождении общества. Как мы помним, публичным применением разума является такое, «которое осуществляется кем-то как *учёным* перед всей *читающей* публикой», в то время как частным применением разума является такое, «которое осуществляется человеком на доверенном ему *гражданском* посту или службе». Университетский профессор по социальному статусу является государственным чиновником, который по *службе занимается наукой*. Как он применяет свой разум – в публичном или частном порядке? Очевидно, что общего ответа на такой вопрос не существует. Чтобы ответить на него нужно разобраться, с *какой наукой* мы имеем дело и что значит – *заниматься наукой*, где граница между знанием *гетерономным*, подчинённым внешним целям и законам, и знанием *автономным*, подчинённым лишь собственному закону – закону *истины*.

Всё поле науки Кант видит организованным «по принципу разделения труда»: сколько существует отраслей науки – столько имеется и учёных «в качестве хранителей этих наук». Эти учёные «вместе составляют некое учёное сообщество», обладающее автономией, в смысле наличия внутри сообщества критериев, позволяющих отличать членов сообщества от не-членов, поскольку «...судить об учёных, как таковых, могут только учёные» [3, с. 313]. Сообщества учёных бывают формальными, имеющими официальные полномочия присваивать не-членам научного сообщества звания и степени, включая последних в состав научного сообщества путём признания их профессиональной квалификации. Такими правами обладают университеты. Но есть также учёные, «не принадлежащие к *университету*», которые в рамках свободных корпораций («*академии* или *учёные общества*» – поясняет Кант) каждый сам, «...без публичных предписаний и правил, занимается развитием и распространением наук в качестве *любителя*» [3, с. 314]. Сообщества профессиональных учёных (университетских) и учёных-любителей образуют ядро науки в обществе, обладающее относительной автономией, обусловленной подчинением категорическому императиву науки – *поиску истины*. Но у науки в обществе есть не только ядро, но и периферия. На периферии Кант выделяет образованных людей, которых правительство назначает на должности, «чтобы использовать их в своих целях (а не для блага наук)» [3, с. 314]. Эту категорию Кант называет «*деловыми людьми* или *практиками науки*». Особенность «практиков науки» в том, что они, с одной стороны, являются носителями знания, полученного в университете, а с другой стороны –

религии и нравственности. Первая статья «Об изначально злом в человеческой природе» была разрешена духовной цензурой и опубликована в апреле 1792 г. в журнале «Berlinische Monatsschrift», но последующие статьи цензура не пропустила. Тогда Кант объединил статьи в книгу «Религия в пределах одного только разума» и получил разрешение на её публикацию от философского факультета Йенского университета. Книга вышла двумя изданиями в 1793 и в 1794 гг.. Но теологи, возмущённые вторжением философа в обсуждение вопросов, принадлежащих их ведомству, побудили прусского короля Фридриха Вильгельма II издать именной указ, полученный Кантом в 1794 г. с выражением «великого недовольства» книгой и предписанием воздержаться в дальнейшем от публичного высказывания мнений по религиозным вопросам. Кант дал обещание королю не касаться в своих лекциях и печатных работах вопросов религии и теологии. Правда, после смерти Фридриха Вильгельма в 1797 г., он заявил, что уже не считает себя связанным этим обещанием. Видимо тогда же, в 1794 г., как указывают комментаторы, Кант написал работу «Спор факультетов», опубликованную в 1798 г. после смягчения цензуры, в которой он развивает свое понимание университета как школы публичного разума.

«орудиями правительства», проводниками его воли и интересов и потому «не свободны применять свою учёность на службе по своему разумению, а должны в этом быть под надзором факультетов» [3, с. 314]. У «практиков науки» знание имеет *гетерономный характер*, оно подчиняется посторонним науке интересам и целям. Какое же место на этом поле знания занимает *университет*, и какую роль в обществе ему отводит Кант?

Современный Канту университет, «по заведённому обычаю», состоял из четырёх факультетов, которые делились на три высших – теологический, юридический, медицинский – и один низший – философский. Такое деление, отмечает Кант, исходит не от учёных, а от правительства, которого учения высших факультетов интересуют исключительно с политико-прагматической точки зрения – как средство влияния на народ. Само правительство не учит, но поручает высшим факультетам, знание которых *гетерономно*, публично излагать соответствующие учения, которые оно утверждает, и обязывает профессоров этих факультетов преподавать данные учения, заключая с ними соглашение при вступлении в должность. Но в университете, по Канту, обязательно должен существовать факультет, *независимый* от правительственных приказов по части своих учений, ибо *нельзя приказывать считать что-либо истинным*. Этот факультет должен иметь право «обсуждать все распоряжения, касающиеся интересов науки, т. е. истины, когда разум должен быть вправе говорить публично, так как без такой свободы истина (в ущерб самому правительству) никогда не станет известной» [3, с. 316].

Такое утилитарно-прагматическое обоснование необходимости существования философского факультета дополняется у Канта его сущностным обоснованием. *Гетерономное* знание как таковое должно не только отвечать неким целям и интересам, но и соответствовать критериям истины. Отсюда следует принципиальный вывод: «Способность судить автономно, т. е. свободно (сообразно с принципами мышления вообще), называют разумом. Стало быть, философский факультет, поскольку он обязан ручаться за *истинность* учений, ... должно мыслить как свободный, подчинённый только законодательству разума, а не законодательству правительства» [3, с. 324-325]. *Автономия разума*, как его сущностное определение, является истоком *автономии университета*. Соответственно, профессор философского факультета, хотя он и назначается правительством, свой разум должен применять *только публично*, в отличие от профессоров высших факультетов.

Философский факультет, в понимании Канта, есть факультет, где развивается и преподаётся *всё научное знание* (эмпирическое и теоретическое). Он состоит из двух отделений: отделения «*исторического познания* (к которому относятся история, география, языкознание, гуманистика со всем, что даёт природоведение, опирающееся на эмпирическое знание)» и отделения «*чистого познания разумом* (чистой математики и чистой философии, метафизики природы и нравов)». Философский факультет в таком понимании оказывается синонимом учреждения, занятого *поиском и распространением в обществе научного знания*. «Именно поэтому философский факультет, – считает Кант, – включает все части человеческого знания (стало быть, исторически и высшие факультеты), но делает все эти части (а именно специфические учения или предписания высших факультетов) не содержанием, а лишь предметом своего исследования и своей критики, имея целью пользу всех наук» [3, с. 325].

Объединение в рамках одного института факультетов, представляющих разные типы знания, – *автономное*, ориентированное на поиск истины, и *гетерономное*, ориентированное на то, чтобы служить правительству орудием воздействия на общество, – неизбежно приводит к конфликту, *спору факультетов* между собой. В чём же суть этого спора факультетов? Ответ на этот вопрос содержит в себе ключ к кантовскому пониманию назначения и роли университета в обществе. Для Канта спор факультетов – это не внутриуниверситетская склока, а борьба за определение путей и средств развития общества. Спор высших факультетов с низшим ведётся «за влияние на народ, и добиться

этого влияния они могут лишь в той мере, в какой каждому из них удастся убедить народ в своей способности наилучшим образом содействовать его благополучию» [3, с. 327]. Такой спор факультетов изначально *незаконен по форме*, так как спорящие стороны используют разные способы ведения спора: философский факультет опирается на объективные доводы, обращённые к *разуму народа*, в то время как высшие факультеты опираются на субъективные мотивы, обращённые к *желаниям и склонностям народа*.

В чём же народ, пребывающий в непросвещённом состоянии, усматривает своё благополучие? Он, как полагает Кант, «усматривает своё благополучие не в свободе, а прежде всего в своих естественных целях, а стало быть, в трёх вещах: в блаженстве после смерти, в том, чтобы при жизни среди своих ближних иметь гарантию своей собственности, основанную на публичных законах, и, наконец, в физическом наслаждении жизнью самой по себе (т.е. в здоровье и долгой жизни)» [3, с. 327].

Чем может ответить философский факультет на эти ожидания народа? Он может только посоветовать человеку из народа жить честно, поступать справедливо, следить за своим здоровьем. Однако, такие советы, адресованные *разуму* народа, не устраивают его *склонности*, которые нащёптывают ему другое: «как бы мне, прожившему *нечестивую* жизнь, всё же в последний момент получить позволение войти в царство небесное; как бы мне, если даже я *неправ*, выиграть тяжбу и как бы мне остаться здоровым и долго прожить, если даже я использовал свои телесные силы для наслаждения и даже *злоупотреблял* ими» [3, с. 328]. Кант с горечью замечает, что «народ большей частью следует тому, что требует от него меньше всего усилий и применения собственного разума» [3, с. 329], что он больше подчиняется своим склонностям, чем дисциплине разума. А склонности требуют того, что может дать только чудо. И высшие факультеты обещают сотворить такое чудо, которое *противоречит объективным законам*. Потому высшие факультеты вступают с философским факультетом в *незаконный* спор. Ситуация этого незаконного спора усугубляется, когда в него вмешивается правительство, которое *склонности возводит в закон* и, тем самым, *вступает в противоречие с разумом*, вовлекая высшие факультеты в спор с философским факультетом.

Законный спор высших факультетов с низшим – это спор о сути и содержании излагаемых на факультетах учений. Учения высших факультетов, утверждаемые правительством, можно рассматривать лишь как выражения правительственной воли и человеческой мудрости, которые не непогрешимы. Поскольку для правительства не может быть безразличным то, насколько эти учения соответствуют истине, постольку философский факультет имеет законное право подвергать эти учения проверке и публичному обсуждению. При этом публичный спор теоретиков разных факультетов, считает Кант, должен быть обращён «к *учёной публике*, занимающейся науками», и происходить только *внутри научного сообщества*. Народ же должен скромно полагать, «что он в этих науках ничего не смыслит», а правительство должно считать «неприличным для себя ввязываться в учёные споры» [3, с. 332].

В рамках *научного спора* профессора высших факультетов могут и обязаны использовать разум в *публичном применении*. Здесь не имеют силы доводы, ссылающиеся на авторитет власти и высшего откровения, здесь имеют значение только доводы разума. Такой спор факультетов не может быть улажен и мирной сделкой, «а нуждается (как процесс) в приговоре, т. е. в имеющем законную силу решении судьи (разума)» [3, с. 331], который и выступает высшим арбитром. Если решения разума потребуют внесения изменений в учения высших факультетов, то такие изменения должны быть согласованы с правительством. Если же кто-либо из профессоров сам начнёт вносить изменения в читаемые им публично учения, то правительство может принимать о них решения через «арбитраж, созданный высшим факультетом, так как эти практические деятели могли быть назначены правительством для изложения тех или иных учений только *через факультет*» [3, с. 333]. Лояльность высших факультетов по отношению к правительству

требует от них самоцензуры, которую можно расценить как своего рода гражданскую ответственность учёных, понимающих, что «неограниченная свобода... неизбежно становится опасной... отчасти для самой публики» [3, с. 331]. Спор факультетов, основанный на доводах разума и гражданской ответственности, делая возможным также и согласие между «учёным и гражданским обществом в максимах» (т. е. в правилах поведения), в конечном итоге «...подготавливает отмену всяких ограничений свободы общественного мнения» [3, с. 333], приближая время, когда «последние станут первыми (низший факультет высшим), правда не в смысле господства, а в смысле дачи советов властям (правительству); в этом случае свобода философского факультета и вытекающая отсюда свобода воззрений будет лучшим средством для достижения целей правительства, чем его собственный абсолютный авторитет» [3, с. 333]. Согласно концепции Канта, университет является институтом не только *научного просвещения*, но и школой политической свободы общества, органом *ненасильственной духовной революции*. Поэтому и сегодня следует сохранять его предназначение – *быть площадкой публичного применения разума*, равноправным партнёром государства в деле определения путей и средств достижения общественного блага. Если пытаться подобрать девиз университета, который выражает его миссию в понимании немецкого философа, то, пожалуй, наиболее точным будет девиз Просвещения: «*Sapere aude!* – *Имей мужество пользоваться собственным умом!*» Кант не только посеял в Германии семена широкой философско-политической дискуссии о назначении университета, но и увидел их первые всходы.

Статья является продолжением публикации: Рагозин Н.П. Рождение идеи университета в немецкой классической философии. Часть 1 // Наука. Искусство. Культура. № 3 (15). Белгород, 2017. С. 66-74.

Список литературы References

1. Кант И. О поговорке «может быть это и верно в теории, но не годится для практики» / И. Кант // Кант И. Соч. в шести тт. – Т.4, ч.2. – М.: Мысль, 1965. – С. 59-107.
Kant I. About saying "may be true in theory, but not so good for practice" / Kant // Kant I. Soch. in six vols. – vol. 4, part 2. – М.: Thought, 1965. – Pp. 59-107.
2. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? /И. Кант // Кант И. Соч. в шести тт. – Т. 6 – М.: Мысль, 1966. – С. 25-37.
Kant I. the Answer to the question: what is education? / I. Kant // Kant I. SOC. in six TT. - Т. 6-М.: Thought, 1966. - P. 25-37.
3. Кант И. Спор факультетов /И. Кант // Кант И. Соч. в шести тт. – Т. 6 – М.: Мысль, 1966. – С. 311-348.
Kant I. Dispute of faculties /I. Kant // Kant I. SOC. in six TT. - Т. 6-М.: Thought, 1966. – P. 311-348.
4. Ридингс Б. Университет в руинах [Текст] /пер. с англ. А.М.Корбута; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2010. – 304 с.
Reading's B. University in ruins [Text] / lane.with English. A. M. Korbuta; State. UN-t-Higher school of Economics. - М.: Ed. house state University – Higher school of Economics, 2010. - 304 p.
5. Фокин И. Университетская реформация Шеллинга // Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования / Пер. с нем., вступ. ст., примеч. Ивана Фокина. – СПб.: Мир, 2009. – 352 с.
Fokin I. University reformation of Schelling // F. V. J. Schelling. Lectures on the method of University education / Per. him., Intro. art., note. Ivan Fokin. – SPb.: World, 2009. - 352 p.
6. Гофф Ле Ж. Интеллектуалы в средние века. – М.: Аллегро-Пресс Долгопрудный, 1997. 206 с.
Le Goff, J. the Intellectuals in the middle ages. - Moscow: Allegro - Press Dolgoprudny, 1997. - 206 p.
7. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 776 с.
Petrov M. K. History of European cultural tradition and its problems. – М.: ROSSPEN, 2004. - 776 p.
8. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. – М.: Наука, 1993. – 213 с.
Ogurtsov A. P. Philosophy of science of the Enlightenment. - Moscow: Science, 1993. - 213 p.